

Лечу в Киев. Самолет как движущийся мост — сокращает расстояния, сближает берега. Два с половиной часа в воздухе, и Урал «вольется» в Днепр, мое — десятилетие мое — Оренбуржье сомкнется с моей от рождения Украиной.

Шевченковское Оренбуржье с Шевченковской Украиной... Подчеркиваю дорогое всем нам имя не красного слова ради. Именно Шевченко мой спутник, нет — путеводитель в этом полете, с мыслью о нем лечу.

Кого как, а меня полет располагает к раздумьям.

Думаю над книгой, которую только что окончил. Это не первая моя книга о Шевченко, но, полагаю, главным делом жизни быть для меня ей. Не отказываюсь ни от одной напечатанной строки о нем, но только сейчас ощутил в себе силу с достаточной полнотой, прямо и честно поведать о каждом годе, месяце дне солдатчины Шевченко и возвращения его из неволи, ставшего продолжением невольничьих лет в Оренбургской крепости и на Арале, в Оренбурге и на Мангышлаке. Одиннадцать лет из прожитых им сорока семи... Первая книга «Были о Тарасе» — об одном годе его жизни. Писал ее и думал: в каком же мы, биографы, долгу перед ним, как много не увиденного, упущенного, сколько больших и малых ошибок в постижении жизни гения. Писал и старался отрешиться от шаблона, от любимых многими ярлыков и стандартов. Все ли сделал? Судить о том не мне. Для того и везу рукопись в Киев. С тревогой и надеждой — работа, ломающая стереотипы, дорога мне особенно. Сам же погружен в книгу вторую — о Шевченко на Арале. Уже прочитаны тысячи страниц архивных дел, а сколько их ждет меня и в Киеве, и в Москве, и в Алма-Ате, главное же, — в Оренбурге, богатейший архив которого пока далеко не прочитан. Надеюсь, что жизнь даст мне возможность довести свой замысел до конца.

Думаю и о дне, предшествовавшем вылету. За рабочий стол в течение всего дня сесть так и не удалось, но огорчения это у меня не вызывает.

Поутру сошлись мы на необыкновенном «объекте» — в цокольном этаже школы № 30. Здание построено в тридцатые-сороковые годы прошлого века; занималось и под штаб инженерной службы Отд[ельного] Ор[енбургского] корпуса, и под эскадрон кадетов. А еще — под главную гауптвахту. Тут, после своего второго, оренбургского, ареста в 1850-м находился под арестом рядовой Шевченко. Немало трудов приложить пришлось, чтобы отыскать подлинные планы здания с точными обозначениями помещений гауптвахты; не с ходу нашла поддержку идея мемориального музея-гауптвахты, не простым было решение вопроса о средствах и подрядчике. Но поддержали в обла-

стном и городском комитете партии, в исполкоме городского Совета. Потеснилась школа, на здании которой появился высеченный в граните Шевченко в солдатской форме. Сейчас они свои «объемы» заканчивают. На очередной оперативке, которую вели в этот раз, первый секр[етарь] горкома Юр[ий] Дм[итриевич] Гар.¹ и секр[етарь] обл[астного] ком[итета] партии Вал. Фед. Голубничий², говорили о том, что надо еще сделать строителям, особый упор делали на качество всех работ, но спрашивали и о подготовке экспозиции. «Времени в нашем распоряжении мало. До большого юбилея — четыре с половиной месяца...».

Оперативка имела продолжение под вечер — в отделе культуры обкома КПСС. Здесь еще проверялось выполнение всего обширного плана подготовки к юбил[енным] дням в 1989-м. Спрашивали о делах в Орске. Способен ли увеличить размах работы Музей Шевченко, открытый три года назад? Как дела с благоустройством Яшмовой горы, на которую многожды поднимался Шевченко? Даже скупые на похвалы люди похвалили орских комсомольцев, которые собственными силами, без всяких затрат средств восстановили полуразр[ушенную] колокольню былой церкви и теперь с нее можно видеть весь огромный индустриальный город, все его окрестности. Колокольня — составная часть формирующегося мемориального комплекса. Таким же комплексом должна стать и дорога, соединяющая Оренбург и Орск — дорога, не однажды видевшая Шевченко. Самую трудную и дорогую часть дела выполнили. На всем протяжении есть теперь асфальт. Но в плане — и колодцы вдоль пути, да непременно, чтобы сомкнулись деревья этих мест и деревья Украины, памятные знаки со скамейками для отдыха, особенно возле родников, поивших Тараса. В плане — вечера..., выставки... Не все сроки выдерживаются, не все и всюду ладится, хватает забот и других, но дело идет, и что всего важнее — не по принуждению свыше, а по велению души.

Через пять лет...

1 января 1993 г.

Полтора года не писал ничего шевченковского. Дописал — дочитал — доправил третий, Оренбургский, том и отложил перо, отодвинул бумагу. Попытался нырнуть в том четвертый — уже мангышлакский, но дальше начала продвигаться не смог. Полтора лет мне хватило бы для довершения всего замысла, в полном объеме и сейчас лежало бы передо мной не три тома, а, может, и пять (Мангышлак, эти семь лет, на два тома тянут) Но... не получилось. Причина?

До последних дней называл одну причину: рукописи (машинописи) лежат без движения, никем не востребованные (и без реальных перспектив на востребованность). Так зачем писать, если не печатается? Но теперь понимаю: эта причина — не единственная. В работе над первыми тремя томами я устал и физически, и морально. Перетрудился. Перенапрягся — надорвался. А тут еще и невозможность напечатать, обнародовать написанное... Только в последние дни ощутил в себе желание, потребность и готовность вернуться к своей прерванной песне — на полуслове оборванной, недопетой-недоговоренной.

Мне 69. О Шевченко я написал бесчисленное множество страниц. Но не дописать, не довести до ума этот свой труд непростительно. Издательское и искательское (искательское-литературное) должно идти параллельно, не мешая одно другому. Не должно мешать и это, третье, дело — шевченковский дневник. Собственно, дневник моих личных шевченковских занятий года. Общий дневник остается (уже в десятый раз — десятый том!), но делаю дополнение-усовершенствование — еще и «тематический». Только то, что касается моего Шевченко — в любых направлениях дела и мыслей.

...Цитирую себя, 60-летнего: «Я не молюсь на Шевченко — я его изучаю».

2 января

Из письма А. Ялового³ из Днепропетровска: «О том, что новый памятник Т.Г. Ш[евченко] облили зеленкой Вы слышали?».

Зеленка на памятнике — это, разумеется, вандализм, кощунство. Как и снос фигур или погрудий с постаментов, поспешные переименования городов, площадей, улиц, изъятие книг. Вряд ли эта злополучная зеленка есть протест против взглядов Шевченко, его стихов или рисунков — нелепо и предположить. Людям стали противны идола; методами дикими, даже дикарскими, они протестуют против идолопоклонства. Последнее — порождение людской дурости, тупости власть имущих, а зеленка обгаживает не их, но тех, кто на постаментах. «Шевченко установлено больше памятников, чем любому другому национальному поэту в мире...». А зачем? к чему столько? на один манер, по одному трафарету? Хмурых, усатых, старых?

Мое «идолопоклонство» трезвее, холоднее, без захлебов и истерик. Я смотрю на Тараса не как на идола — отстраненно, «с прищуром», вполне критично. Но это и есть единственно научный, единственно достойный подход.

«Идолопоклонства» во мне нет. Есть верность генеральной теме, верность изначально взятому курсу, которому намерен следовать и дальше.

...С днем рождения меня поздравил Вяч[еслав] Петр[ович] Крючков⁴. Тут же старый прагматик высказал идею: к моему юбилею (а заодно «ка-

кой-нибудь» ближайшей шевченковской дате провести конференцию и издать биобиблиографический указатель. Последнее заманчиво, первое — нереально. Без киевлян, что за конференция? Билет же в оба конца (до Киева и обратно) уже сейчас стоит 27 тысяч! Советское шевченковедение развалено вместе с Советским Союзом, Украинское... оно, по большому счету, отсутствует⁵. За это дело должны взяться Дзюба⁶, Жулинский⁷, Павлычко⁸ — величины первого порядка, но они погружены в «политику» и Тарасом занимаются между делом. О, Украина!

3 января

Вероятно, закономерно, что мой шевченковский дневник с первых же страниц превращается в копилку «идей по Шевченко». Очередная такая идея пришла со звонком Арк[адия] Як[овлевича] Гаева⁹... Поздравив меня с Новым годом, днем рождения и статьей в «Оренбуржье», он... предложил отправиться в июле по пути Шевченко на Арал (до Карабутака хотя бы). Без колебаний предложение принял. Никто не знает этот шевченковский маршрут так, как знаю его я (по «расписаниям», описаниям, картам). Но ощутить его вживе так заманчиво — независимо от литературных результатов поездки. Хотя вполне возможны и они (нечто вроде путевой повести, или повести-путешествия, с научным и ненаучным наполнением). В повесть могут войти фото и репродукции.

Хорошо, когда идеи не иссякают...

Хуже, когда мусолится одна и та же.

Наконец-то решил вернуться к «Были о Тарасе». Понимаю, что начинать надо с самого начала: дорога на Мангышлак — октябрьский приезд туда — и — год за годом, — день за днем. А я этого самого начала не вижу. Литературно не вижу. Отчетливо — конец (июнь—июль 1857), но — не начало. Хотя бы скорее решила участь трилогии — руки будут развязаны. В общем ищущее начало. С чего начать?

Существует, однако, ретроспектива. Существует свободная романная форма — эссе с отступлениями, в т. ч. временными, сюжетами и размышлениями. Утверждаюсь в ней. В соавторстве Шевченко, отталкиваясь от мангышлакских страниц его дневника и — сколько материала, ума, таланта достанет. Втиснуть в такую книгу можно все, что накоплено за десятилетия поисков. Но это уже новая книга.

4 января

Сюжет для небольшого рассказа.

И в историю журналистики, и в летопись общественно-революционного движения весьма примечательной, очень яркой фигурой вошел Владимир Львович Бурцев¹⁰ — создатель и редактор журнала «Былое».

Давненько уже купил в книготорге биобиблиографический труд Ф.М. Лурье¹¹ «Хранители

прошлого» (Лениздат, 1990). В нем многое — в т. ч. и отдельная, персональная глава — о В.Л. Бурцеве, который родился в 1862 году в семье штабс-капитана, офицера Оренбургского казачьего войска, «а детство провел в Бирске Уфимской губернии, в семье дяди, зажиточного купца».

Владимир Львович — Лев Александрович, Новопетровский поручик, приятель Шевченко, который был близок с ним и на Мангышлаке, и в Астрахани, где, возможно и вероятно, гулял на его свадьбе.

Но мог быть и Лев в Оренбургском казачьем войске... совсем другой человек... Совпадение отчеств?

Теперь есть доказательство того, что Владимир — сын Льва. В метрической книге церкви Новопетровского укрепления я обнаружил запись о рождении, сделанную в ноябре 1862 года (рождение 17-го, крещение — 26-го). Отец — Л[ев] А[лександрович], мать — Софья Александровна, воспитанники — поручик Тучков и «жена подполковника» Ускова. Л[ев] А[лександрович] — поручик. В штаб-капитаны, с переводом в казачье войско его произвели, вероятно, позже.

Это лишь один факт. Но он дает возможность — всяких — веских, разумных, трезвых — ассоциаций, позволяет уловить нечто важное и полезное для характеристики окружения Шевченко, личностей из этого окружения. Отец с матерью становятся понятнее сквозь призму сына, как и в сыне обязательно присутствуют отцовские черты, даже гены. Материала для этого рассказа достаточно. Кстати, любопытны сведения о шевченковском на страницах «Былого».

Первый новый сюжет года.

5 января

Меня все более занимает издание написанных трех томов «Были о Тарасе». Со вчерашнего дня я поверил в реальность этого предприятия.

Рахим Сулейманов¹² — человек деловой, смелый, дерзкий. Он достаточно глубок, его критерии выше наших, обыденных. Этому современному человеку доступно то, что недоступно мне — из другой эпохи.

Он умеет и зарабатывать, и тратить. Один из двигателей — честолюбие. Во многом из честолюбия поддержал он идею выпуска трилогии 75 листов, требующих миллионных вложений без перспектив даже относительной окупаемости.

Сегодня я предложил снабдить каждый том и каждый экземпляр своеобразной «мемориальной доской» или «виньеткой» с эмблемой, на которой будет мечеть Караван-Сарая с цифрой «250» поверх нее, словами под изображением: Оренбургская юбилейная и, наконец, основным текстом: Серия учреждена в ознаменовании 250-летия Оренбурга компанией «Кора» (президент Р.К. Сулейманов) Эмблема «Коры» будет повторена в каждом томе два раза.

Для меня, разумеется, главное не в этих атрибутах конъюнктурности, но в том, что, может быть, наконец, издан едва ли не главный труд мой в области шевченковедения, причем издан еще до того, как на меня обрушится очередной юбилей, на сей раз семидесятилетие.

Дай Бог, чтобы эта мечта исполнилась.

Сейчас жму на оригинал-макет. Пока набрана только первая часть первого тома — 1/5 всей этой папки. Нажимаю на Игоря Пьянкова¹³, затянувшего исполнение заказа («договоренности со стажем»). Хотя повинен в этом и я, Пьянкова не подгонявший. Скажу по совести, оригинал-макет представлялся мне не более, чем блажью автора, у которого завелись элементарные «тыщи» и он возжелал иметь хоть экземпляр чего-то похожего на книгу. Неужто будет в конце концов тираж?

6 января

Из письма Н.К. Николенко¹⁴: «Очень обидно, что Ваша работа шевченковская приостановлена, вернее, не публикуется, но руки вам опускать нельзя. Съедайте ваши материальные запасы, а за письменный стол все же садитесь: не будет же это лихолетье длиться целую вечность...».

Милая Надежда Константиновна, старая, слепнущая прабабка, как давно мы знаем друг друга и сколько десятилетий делали вместе мое (наше) шевченковское! Четверть века от времен первых общих публикаций в «Жовтні», более двадцать — от выхода «Літ невольничих» в «Дніпрі». Славные были времена: все тогда оставалось впереди. Сейчас Н[адежде] К[онстантиновне] идет 84-й — еле пишет и читает с лупой. Горько думать о нашем смутном, тусклом, непредсказуемом времени, в которое не втискивается даже Тарас (на Украине!).

...Саша Смоляк¹⁵, которому тоже нелегко, зовет к себе в гости. «К Федориву¹⁶ съездили бы, еще что-то придумали бы...». Пока я способен «придумывать» только то, что связано с «Корой». Чем закончится их разведка издательских возможностей в Твери? Их звонок к Жаппарову¹⁷? С «оригинал-макетом» есть осечка: Пьянков объявил, что до февраля может быть сделан только первый том. Но главное — деньги: придется доплачивать и тогда подключит дополнительных работников, дополнительные компьютеры, сообщат и сделают. Завтра — встреча решающая.

...Уверен ли я в реальности издания? Уверенным в наше время нельзя быть ни в чем. Но реальная надежда если еще не существует, то теплится...

12 января

Положение на сегодня такое.

Жаппаров, проведя повторную разведку издательских возможностей, подтвердил реальность издания «Были о Тарасе» за два миллиона рублей. В ненавязчивом поиске спонсоров — без особой веры в успех, но с подсознательной верой в «чудо» — несколько дней (!) тому назад я впервые встретился с Р. Сулеймановым. Он выразил

готовність вилучити ці самі два мільйона для того, чтобы трехтомник стал реальностью... За эти дни идея выкристаллизовалась. Рахим вместе с Татьяной¹⁸ летят в Москву... Назначена их встреча с Наилем. Я расписал все в деталях и даже в вариантах, но переговоры играют роль решающую. Предстоит окончательно договориться о тираже, сроке сдачи макетов и выхода книг, качестве макетов, о договоре и предоплате, о лицензии на издательскую деятельность «Коры» — в общем обо всем, до конца. Договорился и о встрече оренбуржцев с Крикуненко¹⁹ — для пользы «Коры», но больше — практических шевченковских дел (Оренбургская российско-казахская научная лаборатория Тараса Шевченко, шевченковская дорога, поездки сюда с Украины и зарубежья дальнего. Во вчерашнем разговоре с Крикуненко выразил желание, чтобы издателем книги стал «Ки-мос» (Киев — Москва). Но издательства как такового еще нет. Этой же книги я жажду. Не было надежд — мучила тревога. Появилась надежда — тревога не дает покоя...

Из шевченковского дневника — двух дневников одновременно — ничего не получилось. Дай Бог, справляться с одним. Так что вырезаю написанные страницы и вкладываю их в дневник основной. (подпись) 31.X.93.

(Далее о судьбе «Были...» и остальных шевченковских начинаниях — в обычном дневнике).

Октябрь 1988 г.

Коментарі

¹ Гаранькін Юрій Дмитрович (1932—2009), з 1985 до 1991 року перший секретар Оренбурзького міського КПРС, завдяки підтримці якого було створено Музей Тараса Шевченка в Оренбурзі. Почесний громадянин міста Оренбург.

² Голубничий Валентин Федорович (1935 р. н.), у 1986—1991 рр. секретар Оренбурзького обласного комітету КПРС. Кандидат економічних наук, доцент.

³ Яловий Анатолій Андрійович, дописувач Л. Більшакова з Дніпропетровська. Докладніших відомостей про нього немає.

⁴ Крючков В'ячеслав Петрович (1906—1993) — економіст, краєзнавець, громадський діяч із Оренбурга.

⁵ З тексту вилучена фраза, де дається надто різка, суб'єктивна оцінка одному з провідних шевченкознавців України.

⁶ Дзюба Іван Михайлович (нар. 1931), академік НАН України, відомий український критик, літературознавець.

⁷ Жулинський Микола Григорович (нар. 1940), академік НАН України, директор Інституту літератури імені Т.Г. Шевченка НАН України, лауреат Шевченківської премії.

⁸ Павличко Дмитро Васильович (нар. 1929) — відомий український поет, перекладач, громадський діяч.

⁹ Гаєв Аркадій Якович (нар. 1937) — професор, фахівець у галузі екології, товариш Л. Більшакова.

¹⁰ Бурцев Владимир Львович (1862—1942) — творець і редактор журналу «Былое». Його батько — Лев Олександрович Бурцев (Бурцов) — плац-ад'ютант Новопетровського укріплення. 1856—1857 рр. входив до кола осіб, близьких до коменданта І. А. Ускова, був знайомим Шевченка, який з ним зустрічався не лише на півострові Мангишлак, а й в Астрахані.

¹¹ Лурье Фелікс Мойсейович (нар. 1931), російський історик, бібліограф, письменник, автор книги «Хранители прошлого» (СПб.: Лениздат, 1990).

¹² Сулейманов Рахім Кіладійович (нар. 1959) — підприємець, громадський діяч, меценат. За активної фінансової допомоги Сулейменова були видані книжки Л. Більшакова «Быль о Тарасе», «Ахмед-бай» та ін. У 90-і роки він створив фірму «Кора» — одну з провідних корпорацій в Оренбурзькій області. З 1997 року Р. Сулейманов керує концерном «Урал-хлеб».

¹³ П'янков Ігор Георгійович (нар. 1956) — організатор і головний редактор видавництва «Оренбургская губерния», у якому вийшли «Коментарі» Л. Більшакова до «Журналу» Т. Шевченка та мемуари Г. Вінського. У видавництві велася робота зі створення оригінал-макету «Были о Тарасе».

¹⁴ Ніколенко Надія Костянтинівна (1909—1995) — перекладач, член Спілки письменників України. Перекладала на українську мову книжки Л. Більшакова, що виходили в Києві («Літа невольничі», «Їхав поет із заслання», «Пошук заповітного», «Шляхами великої долі», «Повість про вічне життя» та інші, що видавалися у «Дніпрі» та «Веселці».

¹⁵ Смоляк Олександр Олексійович (нар. 1938), український письменник, відповідальний секретар Івано-Франківської організації НСПУ, брав участь у шевченківських урочистостях в Оренбурзі. Л. Більшаков був знайомим з О. Смоляком.

¹⁶ Федорів Роман Миколайович (1930—2001) — український письменник, лауреат Шевченківської премії. Тривалий час працював редактором журналу «Жовтень» (зараз — «Дзвін»).

¹⁷ Жаппаров Наїль Шамільович (1953—2005), випускник Оренбурзького політехнічного інституту, колишній студент Л. Більшакова, був сусідом в будинку. Кандидат технічних наук. Останні роки життя провів у Москві. Допомогавав при виданні «Были о Тарасе».

¹⁸ Давидова Тетяна — помічниця Сулейманова у фірмі «Кора».

¹⁹ Крикуненко Віталій Григорович (нар. 1951) — письменник, член Спілок письменників Росії та України, працював редактором низки літературно-художніх журналів, зараз заступник директора Бібліотеки української літератури в Москві.